

Восхождение к себе

Василю Быкову — 75

Общая газета. — 1999.
17-23 июня. — с. 10

Андрей ШЕСТОВСКИЙ

СВОЙ день рождения народный писатель Белоруссии встретит в Финляндии. В 98-м году писатель принял предложение финского ПЕН-центра и, по крайней мере, на год переехал в Хельсинки. За день до отъезда он объяснял свое решение тем, что, «как и все люди, имеет право пожить в условиях цивилизованного общества — пока не закрылся железный занавес».

Василь Быков — единственный признанный писатель из бывшего СССР, кто был вынужден покинуть постсоветскую родину по политическим соображениям. Он всегда был непохож на других: без эпатажа и саморекламы. Даже в так называемой «лейтенантской прозе», в ряду писателей-фронтовиков, куда Быков помещен судьбой и даром, ему отводится особое место. Виктор Астафьев когда-то назвал его «правофланговым».

Еще в 66-м повесть Быкова «Мертвым не больно» вызвала негативный отклик в «Правде»: произведение было названо «неудачей автора, явившейся следствием идейно-эстетических просчетов». И повесть была «забита» более чем на 20 лет. Быков неоднократно обвинялся в «ремаркизме» и отклонении от генеральной линии советской литературы в освещении Великой Отечественной войны.

— Я сожалею, — говорит писатель, — что в свое время мне так и не удалось отразить все стороны этого действительно эпохального события. Советская литература больше сосредотачивалась на аспе-

кте героического: здесь не возникало необходимости в уловках и лжи.

Бы, наверное, обратили внимание на то, что на фотоснимках о войне почти нет наших убитых? Снимать их было запрещено. Убитых же немцев — сколько угодно. Так и создавался определенный образ войны. Но как можно исключить из искусства о войне, может быть, самое главное — смерть? Она витала над каждым — все жили мыслью о смерти: когда она настигнет? Как?

Мало кто знает, но Василий Быкова однажды... «похоронили». В 44-м родные будущего писателя получили похоронку, в которой сообщалось, что лейтенант Василь Владимирович Быков похоронен в братской могиле на Кировоградчине. В действительности спас его ротный командир Пятро Миргород, в последний момент подорвавший гранатой фашистский танк, настигавший раненого в ногу лейтенанта.

Эту историю имел в виду Чингиз Айтматов, когда сказал: «Судьба спасла нам Василия Быкова, чтобы он жил и писал от имени целого поколения, от имени тех, кто юношами узнали войну и возмужали духом с оружием в руках, для которых день жизни был равен веку жизни».

Василь Быков и сегодня продолжает бороться с властями. На родине его называют «честью и совестью белорусского народа». Он был одним из создателей Белорусского народного фронта. Однажды Быков назвал лидера БНФ Зенона Позняка «апостолом современности». Многие тогда посчитали, что, скорее всего, эти слова можно было бы отнести к самому писателю.

Режим Александра Лукашенко отомстил Быкову, открыто не приемлющему эту власть. Последняя книга Быкова «Сыня» («Стена»), в которую вошли рассказы и повесть «Пакахай мяне, салдацкі» («Полюби меня, солдатик»), оказалась практически неостребованной на родине. Отредактированная и набранная книжка три года пролежала в государственном издательстве, но так и не была выпущена. Только два года назад по подпи-

ске, в количестве 750 экземпляров, эту книгу выпустило независимое издательство «Наша Ніва».

— По характеру я вовсе не общес-тенный деятель, скорее отшель-ник, — признается Быков. — И я много раз давал себе зарок не уча-ствовать в публичных делах. Но в итоге получается, что время при-надлежит не мне. Хотя вся моя жизнь — по сути борьба за личную маленькую свободу. Не проходило и недели, чтобы власть руками сво-их или российских писак не поли-вала меня грязью, не дискредити-ровала, не компрометировала, не пыталась меня изничтожить. Поэ-тому о какой купле может идти речь? Заключенного концлагеря не покупают — его истребляют.

Вот и пришлось Быкову уехать в Финляндию. Возвращаться на родину народный писатель Бело-руссии думает только в конце этого года.

— А ведь когда-то вы соглаша-лись с Дмитрием Лихачевым, что «надо жить оседло, надо жить до-ма».

— Я и сейчас с ним согласен. Изгнание или эмиграция — не выход для писателя. Но что де-лать, когда не все имеют возмож-ность жить дома?

Я здесь активно работаю. На-писал повесть, цикл рассказов и кучу публицистики. Думаю, что надо бы меньше, потому что это уже чрезмерно.

— Написанная в Хельсинки по-весть «Ваучыная яма» («Волчья яма») — уже не о войне...

— К сожалению, война превра-тилась во что-то неактуальное и малозначительное. Обществен-ную мысль, литературу и искус-ство занимают насущные проблемы.

— С каким настроением вы встречаете юбилей?

— Думаю, что я ничего в жизни не совершил. По крайней мере так, как того хотелось бы. Так что остается надеяться, что сле-дующее поколение более умных, талантливых и, может быть, чест-ных литераторов сделает то, что не получилось у нас.

Сергей ШАПРАН
Минск